

Христианские ценности в содержании современного воспитания

Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022-2025 годы в качестве **патриотических ценностей** определяет:

- Родину (место рождения человека, страна, в которой он родился, культурно-историческая среда, созданная предками);
- Отечество (страна, государство, с которым личность связана системой отношений, регламентированных правами и обязанностями);
- Семью, преемственность поколений, нацию;
- Государственность, государственный суверенитет Республики Беларусь;
- Государственную символику Республики Беларусь;
- Историческую память, национально-культурную идентичность;
- Национальную культуру.

Национальная культура, национально-культурная идентичность базируются на духовных ценностях Православия. Воспитательная работа по формированию патриотизма должна включать в себя и интериоризацию христианских ценностей в содержание образования и воспитания. Тем самым будет утверждена аксиологическая направленность их содержания в единстве с восточнославянской духовной традицией. Приоритет духовных ценностей наших народов, выкристаллизованных драматичной и великой общей историей как мировоззренческой основы патриотического и духовно-нравственного воспитания будущих педагогов позволит сформировать специалиста XXI века, определяющего своё жизненное кредо как служение родной стране и своему народу.

Системообразующими духовно-нравственными ценностями восточных славян, на основе которых следует конструировать процесс патриотического воспитания, являются: человеколюбие, мир, Родина, семья, справедливость, просвещение, долг, соборность.

Начало формирования духовной традиции восточных славян относится ко времени крещения Руси. Именно тогда складывались мировоззренческие, политические, культурные доминанты исторического пути наших народов, формировались парадигмы развития духовной культуры последующих периодов. А.С. Майхрович отмечал, что «реализация интенций нравственного сознания находилась в тесной связи с формированием многообразных социальных, политических, государственных и духовно-культурных структур общества» [16]. Христианизация восточнославянских земель имела конкретные исторические причины. Киевской Руси была необходима религия единого Бога, свободная от этнических различий и

родоплеменных традиций. Древнерусское государство, как известно, имело широкие международные связи; русичи были знакомы и с иудаизмом, и с исламом, и с западным христианством, однако политическая культурная близость к Византии обусловила приход на восточнославянские земли в качестве официальной религии восточного христианства, т.е. Православия.

Введение христианства имело огромное политическое, культурное, цивилизационное значение. В сознании людей постепенно утверждалась мысль о том, что христианское учение – универсальный инструмент духовного постижения жизни и одновременно надёжный метод практического ориентирования в окружающем природном и социальном мире. Новая религия позволила отдельному человеку и обществу увидеть перспективу социально-культурного развития, духовного роста, нравственного совершенствования. Моральные законы христианства обращены, прежде всего, к внутреннему миру индивида, к совести человека. Личность взывается к нравственной ответственности, она должна делать сознательный выбор между двумя мировыми силами. В итоге меняется представление человека о самом себе, о его месте и назначении в мире, об отношении к другим людям. Всё это явилось мощнейшим импульсом развития духовной традиции Древней Руси, становления теории и практики воспитания на восточнославянских землях.

Распространение христианства в Древней Руси сопровождалось развитием образования и просвещения. Причём это мощное культурное движение было подготовлено трудами нескольких поколений, упорно работавших в области древнерусской книжности, преодолевавших трудности и препятствия. А.С. Майхович пишет, что христианство в период принятия его восточнославянскими землями было в полном смысле этого слова «Писанием», опиралось на богатейшую письменно-книжную традицию и, по сути, существовало в форме этой традиции, имевшей тенденцию к дальнейшему развитию и совершенствованию [16]. Поэтому христианизация Руси происходила в контексте широкого притока книг, открытия школ, скрипториев, библиотек. Великое достояние античной и византийской письменности стало осваиваться на восточнославянских землях путём переводов на славянский язык. Особенно интенсивно шёл этот процесс в княжение Ярослава Мудрого (1019-1054). Летописи, описывая заслуги Ярослава в просвещении Руси, сравнивают его с земледельцем: «Вот так же, как кто-нибудь распашет землю, другой её засеет, а иные пожимают и едят обильную пищу, так и он; отец его, Владимир, распахал и размягчил землю, то есть просветил её крещением, этой же засеял книжными словесами сердца верующих людей, а мы пожинаем, принимая книжное учение» [18]. В крупных городах открывались библиотеки, для которых заказывались и

выполнялись рукописные книги. Таков, например, знаменитый «Изборник 1073 г.», написанный для киевского и черниговского князя Святослава Ярославича.

Центрами книжности и образования становятся монастыри, возникавшие в XI-XII вв. во многих городах Киевской Руси. Количество монастырей в этот период достигло 70. По исчислению Е. Голубинского, монастыри распределились по городам следующим образом: в Новгороде – 17 монастырей, в Киеве – 17, во Владимире – 6, в Смоленске – 5, в Полоцке – 3 и т.д. [17]. Крупное влияние, какое оказывало монашество на различные общественные круги, в немалой степени держалось на значении монастырей как центров письменности и образования. Практически каждый монастырь имел хорошую библиотеку. В этом отношении особенно было велико значение Киево-Печёрского монастыря, выдвинувшего из своей среды ряд известнейших мыслителей. Основатель монастыря Феодосий положил начало целой пещерской идеологии, оказавшей мощнейшее воздействие на развитие морально-этической мысли Древней Руси.

Такие же просветительские силы сосредотачивались и в других монашеских обителях. Крупнейшим культурным центром в Новгороде являлся Юрьев монастырь. Представителями новгородской учёности были Кирик Новгородец, архиепископ Моисей. Под Смоленском находился Зарубский монастырь, из которого вышел известный философ Климент Смолятич. Все выдающиеся древнерусские просветители являлись монахами, священнослужителями, занимали высокое положение в церковной иерархии Киевской Руси.

Рассматривая исторические условия, при которых развивалась морально-этическая мысль на древнерусских землях, разрабатывались теоретические основы нравственного воспитания, следует отметить исключительно важное значение прихода на Русь вместе с восточным христианством славянской азбуки. По мнению Н.А. Огиша, творчество Кирилла и Мефодия во многом определило пути, по которым греко-византийская культура проникала к восточным славянам [19].

Перевод Библии и богослужебных книг на славянский язык Кирилл и Мефодий совершили во второй половине IX в. Это событие имело для славянского мира исключительное культурное значение, т.к. позволило активизировать духовные силы славянских народов, способствовало дальнейшему выявлению их национальных особенностей. Появление славянской азбуки в Киевской Руси поставило образование и просвещение народа на новую высоту. Одновременное распространение библейских и церковных книг, античной литературы на славянском языке стало фактором вытеснения языческих представлений и постепенной интериоризации в сознание

народа христианской картины мира христианской системы ценностей, христианских нравственных ориентиров. Это, в свою очередь, требовало и новых подходов к воспитанию.

Нравственное воспитание является той тонкой сферой, где мы можем наблюдать столкновение и взаимодействие сословных, политических, этнических и иных общественных интересов. Как отмечает М.П. Новиков, «нравственность является не только формой функционирования общества, но и моментом его развития» [20]. Поэтому при исследовании становления и развития идей нравственного воспитания в отечественной педагогической традиции очень важно учитывать не только социально-экономические, политические, культурные факторы, но также и теоретические, мировоззренческие источники их генезиса и развития. По мнению современных исследователей, этические теории обладают особой самостоятельностью; они во все времена содержат некоторые элементы, являющиеся общезначимыми для разных социальных групп и даже классов [21].

Источниками формирования древнерусской духовной традиции являются: христианская антропология, византийское и античное философское наследие, народная педагогическая культура.

Мыслители Древней Руси, рассуждая о нравственном совершенствовании личности, обращались к истокам христианского вероучения. Григорий Нисский писал, что “Закон Моисеев необходим как воспитатель, который должен будет вначале поднять человека с земли, а затем, сохранив его и водительствуя им, довести до самого порога совершенства евангельского” [22]. А.С. Майхович подчёркивает, что «христианская жизнеучительная доктрина характеризуется универсализмом нравственного подхода к действительности, всему существующему вообще» [16]. С введением христианства окружающая человека реальность стала восприниматься в контексте противостояния добра и зла, добродетели и греха. Это, в свою очередь, накладывало отпечаток на понимание индивидом своей внутренней природы и своего места в окружающем мире, неизмеримо повышало его ответственность и предполагало определённые нравственные обязательства в повседневной жизни, во взаимоотношениях с другими людьми, с миром в целом. Такое положение человека априори превращало его в творческого субъекта, созидающего своё настоящее и будущее, причём будущая (небесная) жизнь является следствием земной, и от самого человека зависит, будет его душа спасена или нет. Такой подход открывает принципиально новые горизонты в развитии этических и педагогических теорий. Индивид выходит «на дорогу вечного совершенства, дорогу, на которой поколения лишь вехи общей эстафеты человечества» [23].

В противовес язычеству христианство даёт идеальный образец поведения, отношений между людьми, которые выступают не как навязанные из вне, а как находящие отзвук внутри самого человека, соответствующие его внутреннему строю, - всё это говорит о появлении собственно нравственности.

Восточнославянские земли восприняли христианство из Византии, поэтому древнерусская общественно-педагогическая мысль развивалась, имея ключевым источником своего формирования византийскую философию, а также староболгарскую книжную традицию. Именно через Византию проникало в Киевскую Русь наследие античного мира и Ближнего Востока [24].

Объединяющей персоналией всей византийской церковной и философской доктрины является Иоанн Златоуст, призывавший всех и каждого к нравственному совершенствованию: «Давайте украшать наши души лучше наших домов» [25]. Иоанн Златоуст вслед за Сократом называет человека «отражением макрокосмоса», «зеркалом мира» [25]. Говоря о строении тела, византийский философ в стиле древнегреческого материализма подчёркивает, что тело человека состоит из четырёх стихий [25]. Подобное описание человеческого естества, хотя и в несколько интерпретированном виде, встречается в «Поучении о чрезмерном пьянстве» восточнославянского мыслителя Моисея Новгородского.

Апологетом течения византийской философии, которое отстаивало необходимость аскезы и отречения от земного мира, являлся Георгий Амартол. Амартол объяснял историю человеческого общества сугубо с позиций провиденциализма. Подобный подход прослеживается и у печёрского монаха Нестора, автора «Повести временных лет». На восточнославянских землях были широко распространены труды Григория Паламы, который систематизировал мистические учения о единстве человека и Бога, получивших название исихазма [26]. Главное в исихазме – уход от действительности в глубину своей души, борьба «со страстными помыслами» [26]. Теория исихазма оказала огромное воздействие на развитие философской и даже публицистической мысли как в Киевской Руси, так и в Московском государстве. Идейным отцом и вдохновителем печёрского монашества по праву может считаться византийский церковный деятель и философ Симеон Новый Богослов. Он настаивал на том, что личный опыт общения человека с Богом возможен только тогда, когда индивид ведёт жизнь послушания [26]. Большое педагогическое значение, с точки зрения нравственного воспитания, имеет высказывание Симеона Нового Богослова о том, что «крещение не имеет никакой ценности, если далее человек не приносит плод святой жизни» [26]. Симеон противостоял формализму, номинальному

христианству, которое не изменяет жизни людей. Он учил необходимости «крещение духом Святым», которое должно последовать за водным крещением [26]. Сюда мыслитель включал в первую очередь покаяние, смирение, послушание. Главное – действенная вера, определяющая всю жизнь человека, его взаимоотношения с другими людьми и окружающим миром. «Разве не имя Христово произносится повсюду: в городах, селениях и монастырях, в горах? Ищите если желаете, и исследуйте тщательно, соблюдают ли люди Его заповеди. Истинно, среди тысяч и десятков тысяч едва ли вы найдете одного, кто будет христианином по словам и делам» [26].

Кирилл Александрийский, вошедший в историю как великий отец Православия, говорил о том, что Иисус Христос – это не человек в котором пребывал и к которому присоединился Дух Святой. Он – Бог-Слово, ставшие плотью. Бог-Слово приобрёл абсолютную человеческую природу (включая и душу) и стал человеком. Такое объединение сделало Иисуса Христа единой ипостасью, единственным существом. Такое объединение Кирилл Александрийский назвал «ипостасным единением» [26]. Иоанн Дамаскин в трактате «Источник знания» делает вывод о том, что «Христос – это высочайшая Личность, Которая естественным образом проявляет и волю, и энергию в обеих природах … но не раздельно, а в полном единстве» [26]. Возможно, именно этот тезис явился логическим обоснованием идеи самовластия души, которая является центральной в православной антропологии.

Дионисий Ареопагит придавал большое значение аскезе и послушанию в духовном совершенствовании личности. Мыслитель подчёркивал, что существует три ступени к Богу или три «пути» духовной жизни – очищение, освящение и единение [26]. Философ, обращаясь к людям, призывал: «… Я советую, чтобы в серьезном мистическом созерцании вы оставили чувство и деятельность разума и всё то, что чувства и разум могут воспринять … ибо через беспрестанный и абсолютный отказ от себя и от всего сущего … вы будете освобождены и устремитесь к Божественному лучу, превосходящему всё бытие» [26].

В сборниках «Пчела», «Менандр», «Диоптра» приводились в том или ином объеме высказывания Демокрита, Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура, Софокла, Плутарха, Геродота. В результате духовная жизнь наших предков была обогащена такими традициями античной мысли, как идущий от Сократа тонкий диалог, позволяющий активизировать интеллектуальную и эмоциональную сферы личности; платоновские представления о реальном воплощении мысли, о строении души. Иначе говоря, в морально-этической мысли Древней Руси состоялся «синтез Логоса и Софии, мысли и воплощения» [27].

Таким образом, становление и развитие древнерусской духовной традиции происходило на основе творческой интерпретации античного, византийского и кирилло-мефодиевского наследия, обращения к раннехристианской морали с её возвеличиванием духовной ценности человека.

Отечественная культурно-педагогическая традиция свидетельствует, что на всех этапах развития образования и социума первостепенное значение придавалось формированию нравственной культуры личности.

Нравственная культура личности представляет собой целостное образование, элементами которого выступают: ценности и нормы нравственного поведения, нравственный идеал, опыт, мотивы и отношения нравственной деятельности. Системообразующий элемент нравственной культуры – ценности нравственного бытия. По мнению Н.В. Бондаревской, «ценности воспитания» - это его человеческие смыслы, общественно одобряемые и передаваемые из поколения в поколение образцы педагогической культуры [28]. В зависимости от характера ценностных оснований содержание нравственной культуры определённым образом структурируется.

В настоящее время мы наблюдаем целый спектр серьёзных проблем во взаимодействии человека с миром, человека с природой, человека с обществом. Кризис прежних социально-экономических укладов, традиционной морали, тотальное распространение массовой культуры, возрастающее манипулирование со стороны различных деструктивных общностей, потребительское отношение к природе – всё это заставляет церковное и светское научное сообщество искать пути выхода из современного мировоззренческого, а, значит, и бытийного кризиса. В этой связи актуальной исследовательской задачей становится изучение мира человеческих ценностей, которые составляют основу содержания патриотического и нравственного воспитания.

По мнению Т.В. Сохраняевой, «ценности образования и воспитания всегда являются выражением существующего образа мира и ментальности, а идеал воспитания, характерный для того или иного типа общества – выражением его доминирующей культуры» [29]. В то же время следует отметить, что исторический опыт не дан человеку в отрыве от его внутренней жизни, в отрыве от его личности. Именно человек является осью социальной части универсума. Отсюда следует, что вершиной любой цивилизации является создание возможностей для каждой личности приближения к своему истинному Богоподобному образу, создание условий для объединения этих личностей через согласие и любовь.

В современной педагогической науке подчеркивается соотношение внутреннего мира человека со способом его существования во внешнем мире и с самим этим миром через все секторы сознания.

А.С. Майхович подчёркивает, что «христианская жизнеучительная доктрина характеризуется универсализмом нравственного подхода к действительности, всему существующему вообще» [16]. Именно христианство оказало определяющее влияние на формирование мировоззренческих основ восточнославянского культурно-исторического типа.

Ключевой ценностью духовно-нравственного бытия выступает человеколюбие. В контексте формирования нравственной культуры личности очень важным является представление православных мыслителей о том, что человеколюбие проявляется в разных направлениях: прощение, милостыня, забота об окружающих, взаимопомощь и т.д. Феодосий Печерский в «Слове и терпении, и о любви, и о посте» пишет о том, что нравственный (т.е. боголюбивый) человек всегда желает добра тому, кто рядом [31]. Любовь к ближнему необходимо подкреплять реальными поступками, ведь «любовь к Богу не в словах совершается, а в действительных делах» [31]. Феодосий Печерский приводит слова Соломона о том, что «братья те, кто в беде помогают друг другу» [31].

Мыслитель подчеркивает всеобщий, транцендентный характер ценности человеколюбия. Любовь к ближнему должна являться не только основным качеством нравственной личности, но и основой, на которой строятся отношения между людьми. Феодосий делает акцент на том, что любовь к ближнему – это то, на чём держится весь окружающий мир, ведь «любви ради и грехи исчезают, любви ради и Господь сошёл на землю и распял себя ради нас грешных» [31]. Этот тезис мыслителя имеет большое воспитательное значение, т.к. он убеждает в том, что любовь к ближнему – это не только доброе отношение к близким и незнакомым людям, она предполагает и недопущение ненависти к врагам.

В таком же ключе рассуждают и авторы Киево-Печёрского патерика. В «Послании Поликарпу» заостряется внимание на том, что одно из основных проявлений человеколюбия — умение прощать обиды. Симон пишет: «А что писал ты ко мне про обиду свою - горе тебе: погубил ты душу свою!..» [31]. В то же время в произведениях Киево-Печёрского патерика мы встречаем и новые оттенки в понимании человеколюбия. Высшее проявление человеколюбия, доступное людям, – подвижничество, ведь «подвижничество одних спасает других» [31].

Любовь к Богу и любовь к ближнему являются основой существующего миропорядка. В «Шестодневе» Иоанна экзарха Болгарского утверждается: «...и противоположное по природе - мокрое и сухое, а также холодное и тёплое – совокупил Творец воедино ради созидания и любви» [31]. Данный постулат является принципиальным требованием к выстраиванию структуры нравственной культуры личности, поскольку позволяет выделить в её содержании *три аспекта: нравственное отношение человека к самому себе, нравственное отношение индивида к обществу и нравственное отношение человека к миру*.

Производными ценности человеколюбия являются кротость и смиление. Кирилл Туровский в «Притче о человеческой душе и теле» подчёркивал, что именно смиренным Бог дарует свою благодать [32, 194]. Философ убеждал, что данные нравственные качества должны присутствовать в системе ценностей не только монашества, но и мирян.

Климент Смолятич рассматривал кротость и смиление как основу формирования добродетели. В «Послании пресвитеру Фоме» мыслитель отмечает: «... да будет моя тёмная душа, как та вдовица, и да вбросит она два медяка в святынище: от плоти – целомудрие, и от души – смиление» [32, 185]. Выработка этих качеств весьма актуальна для повседневной жизни, ведь служение другому, людям требует терпения, самоотверженности, преодоления внутренних страстей и влечений.

Любовь к ближнему предполагает и любовь к окружающему миру, природной среде. Любовь-ответственность, любовь-забота – вот нравственные основания ценностного отношения человека к природному миру. Экзарх Болгарский Иоанн впервые в восточнославянской духовной традиции создал настоящий гимн человеку, какциальному творению Бога, ради которого и создано всё на земле. В «Шестодневе» мы читаем: «... И переходя к человеку, как бы ума лишаюсь от удивления и не могу понять, откуда в таком малом теле столь высокая мысль, способная обойти всю землю и выше небес взойти» [32, 158]. Но человек – не безраздельный властелин над природой, ведь мир как творение Бога – это в первую очередь мир разума, мир гармонии. Красной нитью через произведение экзарха проходит мысль о том, что для каждого живого существа установлены свои «пределы», преступать которые нельзя [32, 177]. Главное условие человеческой нравственности – любовь к Богу, любовь к ближнему, ко всему окружающему миру, сохранение гармонии. Идеал высокоморальной личности для Иоанна – человек, сохраняющий и укрепляющий гармонию мироздания, не нарушая своего «предела». Знание о своем «пределе» индивиду даёт вера и постоянное

просвещение. Как видим, новаторство мыслителя в том, что он придал моральному идеалу космологичные черты. Такой идеал является вполне достижимым, но приближение к нему всецело зависит от того, как человек понимает свой «предел», а разъяснение «предела» и формирование внутренней потребности следовать ему – задача просвещения и воспитания. Даные интенции обусловливают очень важный принцип современного воспитания, а именно – принцип внутреннего единения человека с природой, который предполагает нравственную ответственность человека за себя и окружающий мир. Неотъемлемым элементом нравственной культуры личности должно стать такое отношение к природе, которое строится с позиций любви, трепета, заботы.

Особое место в аксиосфере нравственной культуры личности занимает ценность семьи. Семья является средоточием повседневной нравственной деятельности человека, она одновременно выступает и в качестве основы формирования духовного мира детей, и как ближайшей социальной среды, где проявляется внутренний мир и побуждения деятельности домочадцев. Иоанн Златоуст отмечал большую социально-педагогическую функцию семьи. В работе «О воспитании» мыслитель подчеркивает: «Под долгом воспитать детей я понимаю не только то, чтобы не допустить им умереть с голоду... Для этого не нужно ни книг, ни постановлений: об этом весьма громко говорит природа. Я говорю о стремлении образовать сердца детей в добродетели и благочестии, – долг священный, которого нельзя преступить, не сделавшись виновным в некоторого рода детоубийстве» [33, 3]. В византийской учительной литературе постоянно подчёркивалось мысль о том, что семья закладывает основы религиозной и нравственной жизни. «Все родители, – говорит Златоуст, – должны воспитывать своих детей для Бога» [33, 6]. Именно в семье происходит первейшая социализация личности ребёнка, формируется его мировоззрение, привычки и установки поведения. Определяющим принципом взаимоотношений в семье должна стать библейская заповедь: «Чти отца твоего и матерь твою». Лука Жидята в «Поучении к братии» призывает почитать «старых людей и родителей своих» [32, 152]. Феодосий Печерский конкретизирует данный призыв, говоря об ответственности старшего поколения перед подрастающим: старшие должны служить для молодёжи примером «воздержания, бдения, трудолюбия и смирения» [31, 92].

Почтительное и добросовестное выполнение своих обязанностей по отношению к родителям мотивируется не только надеждой на награду от Бога, на благополучное устройство собственной жизни, но и тем, что каждому в старости будут необходимы заботы детей.

«Пчела» устами Сократа наставляет: «Так буди родителям своим, как бы молил бытии детям своим» [32, 24].

Согласно этическому учению Православия, главным лицом в семье является отец. Именно он несёт ответственность за свою семью: «Отец – это тот, кто осознаёт, что молитвой, скорбями, терпением он призван к искуплению грехов рода» [33, 111].

Необходимо отметить, что и в народной педагогической культуре отец, глава родового клана, также выступает ключевой фигурой в воспитании. Испокон веков восточные славяне рассматривали свой дом, свою семью и как родовое гнездо и как крепость, и как храм. Именно от родного дома и родной семьи начинались все линии жизни человека, строился его собственный мир и свое родовой (семейное) гнездо. Следовательно, привязанность к дому, семье напрямую отождествляется с преданностью Родине, своей земле.

Протоиерей Василий Зеньковский утверждает: «Для нас существенно то, что развитие духовных сил ребенка в раннем детстве не требует никаких усилий, если семья сама живет духовной жизнью, – и с другой стороны, оно не почти невозможно, если семья духовно опустошена» [34, 154]. Итак, можно утверждать, что сформировать здоровую личность возможно в семье с традиционным христианским укладом жизни, где уделяется внимание не только нравственному воспитанию, но и духовному развитию ребенка, на личном примере взрослых, участвующих в воспитательном процессе.

Анализ научной литературы и источников позволяет сделать вывод, что стержнем невым элементом аксиосферы внутренней культуры личности является знание, просвещение. Ценность знания напрямую связана с познавательной деятельностью человека в сфере морали. Данная деятельность в контексте христианской педагогики может быть определена как миропознание. По мнению В. Зеньковского, «акт миропознания включает в себя: а) созерцание по отношению к высшей сфере бытия; б) диалог-встречу по отношению к другому человеку; в) познание-исследование по отношению к бытию природному» [34, 91]. В этой связи исключительно важное значение имеет сущностное содержание постигаемого знания, которое априори становится принципом деятельности человека.

Иоанн Дамаскин обращал внимание на то, что «уподобление Богу возможно через мудрость» [31, 622]. Достаточно популярной на восточнославянских землях была «Диалектика» И. Дамаскина, написанная под влиянием Аристотеля. Византийский мыслитель знакомит с основными положениями аристотелевской логики, говорит о видах и родах, количестве и качестве и т.д. Впоследствии многие восточнославянские мыслители в своих рассуждениях опирались непосредственно на антропологию Иоанна Дамаскина, в которой

человек, сотворенный Богом, был представлен как «некий второй мир: малый – в великом». Человек – середина между духовным и вещественным, «он связует собой зримое и незримое, чувственное и умопостигаемое творение» [31, 625].

Именно из Византии пришло на Русь представление о единстве обучения и воспитания. Иоанн Златоуст говорил о «любомудрии», которое включало в себя и познание созданного Творцом мира, и «размышление о духовных предметах..., слушание и изучение слова Божия..., устремленность к добрым делам» [27, 126].

Кирилл Туровский акцентировал внимание на необходимости сохранения «чистоты ума» [32, 212]. Вера даёт возможность созерцать истину, очищает «естественный разум» и возводит его до «разума духовного», не отягощенного ничем земным. Мыслитель отмечал, что божественное слово не всегда явно, а потому необходимо прибегать к разуму, просвещению. Разум нуждается в строгом контроле, так как «грех есть духовный груз» и «не достигнут цели слова грешники, лишённые благодати Святого духа» [32, 197]. Разум, не направленный на служение высшим духовным ценностям, априори аморален, так как не создает преград на пути порока. Следовательно, необходимо уравновесить разум и знание истиной Церкви, верой. «Познавай веруя», – такова парадигма любой интеллектуальной, научной, просветительской деятельности. Религиозное знание даёт возможность выйти на первый план внутренней духовности человека, что позволяет ему эффективно бороться со своими слабостями, а также определиться с выбором необходимых средств нравственного совершенствования. Кирилл Туровский напрямую связывал уровень просвещённости индивида с возможностью его духовного роста, ведь «царь же – ум, обладающий всем ... если он добр, кроток и милостив – изыскивает всё необходимое для тела... заботится о своих людях» [32, 204]. Мыслитель подчёркивал, что нравственное развитие личности может иметь место только тогда, когда «пригоден разум» [32, 195]. Парадигмальное единство веры и знания закономерно ориентирует деятельность человека на служение Богу, на раскрытие в себе Образа Божия. Туровский Златоуст пишет о том, что «ум истинный», размышляющий, – уже не себе одному на спасение, но и многим другим, внимавшим ему. Сюда и подходят евангельская притча, говорящая: «Всякий книжник, познавший Царство Небесное, подобен мужу домовитому...» [32, 194–195].

Образованный человек имеет ясное представление о том, что такое добро и что такое зло; он в состоянии интериоризировать и реализовать предложенные ему нравственно-духовные ценности, идеалы, принципы и нормы поведения. Кроме того, нравственное просвещение дает возможность увидеть смысл поступка до его свершения, а, значит,

внести необходимые корректизы, соотнести его с голосом совести и удержаться от совершения дурного. Неоспоримым педагогическим преимуществом духовного знания и просвещения является создание необходимого образовательного базиса для адекватной, нравственно взвешенной оценки собственных деяний и поступков других людей.

Православные мыслители отмечают, что овладевать следует богословским, религиозным знанием, поскольку оно является объективно нравственным, учительным, установленным априори. Кирилл Туровский в «Притче о душе и теле» отмечает: «Пищей же не еда называется, но слово Божие, которым всякая тварь питается. Ибо говорит Моисей: «Не хлебом единым жив человек, но всяким словом исходящим из Божьих уст» [32, 195]. Следовательно, знание – это источник этических размышлений, оно даёт импульс для нравственно-познавательного, добродетельного бытия, ведь «книжное знание – сокровище вечной жизни» [32, 196].

Митрополит Киевский Никифор в «Послании князю Владимиру» подчёркивает, что в нравственной личности именно разум является, высшим началом [32, 173]. Только добившись торжества в себе разумного начала, индивид сможет верно определить где добро, а где зло, ведь «неразлучно зло от добра ... и поэтому нам следует быть разумными, чтобы не принять зло за добродетель» [32, 173].

Климент Смолятич, считавшийся одним из образованнейших людей своего времени, также исходил из того, что процесс нравственного развития личности неотделим от её просвещения. Климент признавал нравственным только просвещённого человека. В «Послание пресвитеру Фоме» мыслитель высоко оценивает образовательный потенциал смоленского инока Григория: «Поминаю же паки речённого тобою учителя Григория, его же и свята речи не стыжуся, но не судя его хощу рещи, но истиньствуя. Григорий знал алфу, якоже и ты, и виту...» [32, 259].

Представления Клиmenta Смолятича интересны тем, что он делает попытку преодолеть отрицание внецерковного знания, характерного для начального периода распространения христианства на восточнославянских землях. Клиmenta с полным правом можно считать мыслителем новой формации, начавшим «тенденцию обмирщения догматической мудрости посредством синтезирования языческого эмпиризма и созерцательного Богопознания» [20, 37–38]. «Вам дано знать тайны царства Божия, а прочим в притчах» – из этого изречения Клиmenta Смолятича можно сделать вывод о том, что для духовно-нравственного совершенствования индивида помимо религиозного знания необходимо и светское. Митрополит Киевский Никифор, как и другие философы византийского направления полагал, что

нравственное воспитание личности даст свои плоды лишь в том случае, если будет строиться на основе просвещения. В «Послании князю Владимиру» мы читаем: «... душа находится в голове, имея ум как светлое око...» [32, 174]. Просвещённый ум направляет человека к духовно-нравственному совершенствованию, помогает ему верно определить своё место в мире, своё жизненное предназначение.

Таким образом, ценность знания обусловлена тем, что просвещение является наиболее ответственной и значимой сферой взаимодействия человека и общества, где происходит введение человека в нравственные смыслы его бытия.

В христианской этике идея свободы воли человека занимает одно из ключевых мест. По мнению исследователя христианства Оливье Клемана, свобода является орудием нравственного совершенствования, способом действия [26, 179]. Одна из главных тенденций развития православной антропологии заключается в попытке гармоничного сочетания Божественного предопределения и свободы воли в нравственном развитии личности. Абсолютизация предопределения в католической доктрине привела к убеждению гарантированности спасения человека. В католической традиции самовластие души не выступает в качестве парадигмы нравственного совершенствования и творчества. Августин Блаженный утверждал, что заранее предопределено: кто будет спасён, а кто – нет. Вера человека – дар Бога [35, 68].

Православные мыслители полагают, что самовластие души, свобода воли человека – решающий фактор в нравственном совершенствовании личности. Свободный выбор человека – обращение к Богу, следование христианским моральным законам. Отчасти такой подход перекликается с суждением католического теолога Оригена о сущности человеческой души. Мыслитель отмечал, что «душа человека по своей природе и происхождению одинакова у всех людей; душа человека имеет собственную, самостоятельную, отличную от тела сущность и жизнь; душа обладает способностью свободного самоопределения» [26, 316]. Человек несёт ответственность за своё собственное поведение, духовный склад индивида во многом определяет его земную судьбу. В то же время у католических богословов можно встретить утверждения о том, что «прихоти нашей свободы без конца противоречат воле Божией» [26, 175]. Значит, человек должен подавлять свою волю, стремиться к полному послушанию. Однако, «в самом своём послушании ум находит движущий стимул» [26, 176]. Вопреки собственным порывам, желаниям индивид посредством ума преодолевает тот слой бытия, где сосредоточены противоречия, страсти и проникает в более высокие сферы. Всё, что человек узнаёт на этом пути о себе самом, помогает

ему осмыслить собственное место в мире и найти собственный путь спасения. И вот именно здесь мы встречаемся с констатацией индивидуализма, который занял доминирующее положение в аскетике и проповеди католической церкви.

Проблему путей нравственного и духовного совершенствования личности православная антропология связывала с вопросом о соотношении человека и общества. Безусловным основанием понятия «человек» является библейское положение о человеке как об образе Бога. Ссылаясь на Библию, Иоанн Златоуст к этой характеристике сущности человека добавляет ещё и понятие «подобие Бога» [33, 19]. При этом можно предположить, что понятие «образ Бога» означает некое господство человека в мире, а понятие «подобие Бога» можно трактовать как возможность и необходимость нравственного совершенствования личности, приближения к нравственному идеалу.

Богословское понятие «общество» не сводится к человеческому общению. С точки зрения теологов, истинное общество – связь человека и Бога [35, 21]. В этом смысле Григорий Богослов называл народ «собранием Богочтителей» [26, 21]. Характер общения человека с Богом Православие рассматривает в двух аспектах: с одной стороны, это общение проявляется в виде Божественного Промысла над миром, а с другой – как стремление человека к своему Богоподобию, то есть его постоянный нравственный труд. Человек приобретает возможность обрести некогда утраченный образ и подобие Бога путём своего нравственного совершенствования, следования евангельским нормам жизни. Православной антропологией подчеркивается, что без Боговоплощения не было бы и человеческого общества, ведь отдалённость людей друг от друга, которая есть следствие греха, исчезает в «благодатном действии Церкви, и чем глубже мы входим в жизнь Церкви, тем ближе мы становимся друг к другу, поистине становимся членами единого Тела Христова» [34, 128]. Именно такое представление о соотношении человека и общества, обуславливает соборность личности в Православии. А в католичестве, как уже отмечалось выше, главенствует примат индивидуализма. Как следствие – преобладание индивидуалистического подхода в воспитательной и образовательной практике католических стран и превалирование коллективистского подхода в воспитании и обучении на восточнославянских землях.

Митрополит Илларион придавал «самовластию души» большое воспитательное значение. В «Слове о законе и благодати» Иллариона фатализм понимается по-особому. Предопределение способствует не пассивности, а активности личности, освобождению ее творческих задатков. Не следует бояться фатума, ведь уверовшие в Христа ожидают любви и помощи Всемогущего. Он должен быть терпим к

возможным человеческим слабостям: ведь «в Его силах избавить от них человечество» [32, 111-112]. Даниил Заточник также придерживался принципа, что для воспитания человека необходимо его осознание себе как свободной личности, ведь именно это является основой сознательного, разумного отношения к собственному естеству и поведению. «Внимай же себе, познай себе, познай свою силу и слабость, – призывает Даниил, – тогда и других увидишь и пользу от них получишь, тогда … от всякого вреда душа отвратится» [32,59]. Человек обладает «самовластием души» – он волен сам выбирать свой жизненный путь, путь добра или зла. Поэтому учительные произведения в первую очередь обращены к тем, кто сам хочет победить «злые помыслы» [32,59]. В «Повести о Варлааме и Иосафе» свобода воли человека трактуется как «душевный разум, изволение, невозбранна движема, о нём же, хощеть, ли на добродетелие, ли на злое, тако Создателем сотворено» [32, 113]. Свобода дана каждому человеку. Кроме «самовластия» выделяется ещё и «самоизволение» как мысль, предшествующая действию [32, 113]. Именно «самоизволение» может направить человека на путь нравственного развития, а может и воспрепятствовать этому. Самовластие проявляется в том, что внутри человека борется добро со злом, духовное начало с плотским. «Изборник 1076 г.» приводит наставление Иоанна Златоуста о том, что «самовластны Богом сотворены есмы - или спасёмся, или погибнем волею нашею» [32, 7].

Таким образом, христианские ценности составляют аксиосферу духовной культуры личности, обусловливая и продуцируя систему отношений человека к окружающему миру, обществу и самому себе. Проведенное исследование позволяет утверждать, что нравственная культура личности имеет многоуровневую структуру и может быть представлена в виде модели прогностического характера.

В духовной традиции Православия наряду с разработкой содержания нравственной культуры личности большое внимание уделялось определению способов воспитательного воздействия на человека. Проведённое исследование позволяет утверждать, что наиболее распространённым и эффективным методом является метод убеждения, призванный содействовать формированию нравственного сознания индивида, взглядов, понятий, установок поведения. Православные мыслители считали своей первой обязанностью разъяснить людям сущность моральных требований, их смысл и значение в нравственном совершенствовании, а самое главное – убедить человека в том, что смысл его жизни состоит в достижении победы духа над плотью, в приближении к нравственному, раскрытию в себе Образа Божия.

Исходя из представления об изначальной предрасположенности человека к добру, авторы учительной и житийной литературы стремились воздействовать отчасти на интеллектуальную, но, в основном, на эмоциональную сферу личности. Так, например, в «Сказании, страсти и похвале св. мучеников Бориса и Глеба», авторство которого приписывается черноризцу Иакову, при наставлении совершенствовать своё «естество» выдвигается следующий аргумент: «вольное мучение есть подражание Христу» [36, 29]. По мысли автора «Сказания», такой аргумент должен был затронуть сокровенные стороны души верующего человека, оказать на него сильное эмоциональное воздействие. В тоже время, с целью закрепления вызванной эмоциональной реакции «Сказание» выделяет момент бессмысленности суеты мира и власти: «Что бо приобретала прежде братия отца моего или отец мой? Уже все се им какы не было николи же, вся с ними исчезала...» [36, 28].

Феодосий Печерский при использовании метода убеждения также делал акцент на эмоциональном воздействии, он опирался на заложенное в каждом человеке желание стать лучше, совершеннее. В «Слове о терпении, и о любви, и о посте» мыслитель призывает: «Да не уподобимся тем роптивым, которые чрева ради пали в пустыне» [31, 157].

В пещерской идеологии метод убеждения использовался в полном соответствии с традицией, заложенной Иоанном Златоустом: «Оградим их со всех сторон советами, увещеваниями, страхом и угрозами» [33, 788].

Данный способ воспитания применяется в следующей последовательности: разъяснение того, зачем нужно совершить то или иное действие, описание как правильно действовать и прогнозирование результатов, к которым данное действие приведёт. Наиболее отчётливо это видно в «Слове о многотерпеливом Иоанне Затворнике»: «Всю жизнь я боролся с помыслами плотскими, чтобы обречь спасение своей души. И сначала жестокой я сделал жизнь свою воздержанием в пище...прибег я к тому, в чём и нашёл пользу. Вырыл я яму, глубину до плеч, и, когда пришли дни святого поста, вошёл я в яму и так, что свободны были, только руки и голова...и обрёл истину, в чистоте сохранивши душу и тело...» [32, 231]. Просветители византийского направления, считавшие инока идеалом нравственности, посредством метода убеждения старались вызвать у воспитуемых стремление утвердиться в сдержанности, кротости, послушании, принять ограничительные нормативы поведения. При этом они давали высокую оценку страданию и подчёркивали его большую духовно-очистительную силу.

Мастером словесного воздействия на сознание людей являлся Кирилл Туровский. Поучения, слова, молитвы туровского мыслителя были нацелены на то, чтобы сформировать в человеке стремление стать высоконравственной личностью. Философ, убеждая человека принять строгую духовную дисциплину, обращался к его чувствам и эмоциям. В «Повести о белоризце-человеке и о монашестве» Кирилл Туровский внушиает: «Те, кто ради Господа оставит и отца, и мать, и имущество...сторицею примут, и жизнь вечную наследуют» [32, 208]. Вот почему «всякий христианин должен стремиться принять на себя иноческий образ» [32, 208]. Однако мыслитель с сожалением отмечал, что «не любят мирские люди этого держать» [32, 204].

Внушение предполагает опосредованное, через чувства, воздействие на волю человека. При этом у индивида должно возникнуть желание быть не хуже, а в чём-то и лучше других. По этой причине туровский мыслитель в свои проповеди вносит и соревновательный компонент; «...преуспевайте друг перед другом в алкании, и в бдении, и в молитвах, и в трудах, чтобы не пришлось нам ослабевшим от объедения и пьянства, и плотских похотей, очутиться в адской пустыне и там быть растерзанными геенскими зверьми...» [32, 208].

Обращаясь к человеку, Кирилл Туровский широко использует аллегорические образы, как, например, в «Притче о человеческой душе и теле». Метод убеждения также реализуется через конкретные приёмы: беседы, советы, поучения, рекомендации и т.д. При этом воспитательное воздействие опирается на уже сформированные нравственные качества личности, её разум. Последователи Кирилла и Мефодия априори полагали, что человек изначально предрасположен к добру, главное – разъяснить ему смысл новых моральных требований и показать, каким образом можно достичь духовного совершенства.

Метод убеждения занимал большое место в просветительской деятельности Григория Новгородского и Моисея Белгородского. Как и рассмотренные выше мыслители, они широко использовали поучения, наставления. Обращаясь преимущественно к рядовому человеку, «простой чади», философы в основном придавали своим наставлениям увещевательный тон, а не назидательный. Главное, в чём Моисей и Григорий убеждали своих читателей, – соблюдать во всём меру [32, 213]. При использовании убеждения, просветители, прежде всего, обращались к разуму индивида, а также к его чувствам и способности исправлять, корректировать своё поведение. Моисей Белгородский и Григорий Новгородский исходили из того, что человек в силу своего интеллекта может определить, что есть мера, а что – нет. Цель воспитательных наставлений состоит не только в убеждении соблюдать

во всём меру, а также в том, чтобы разъяснить и показать средства, способные усовершенствовать нравственный облик человека.

Моисей Новгородский в «Поучении к простой чади» говорил, что только перед христианином открываются возможности духовного роста, ведь, приняв крещение, люди очищаются от «языческой скверны», исцеляются от «растлевающего греха» [32, 212]. Только крещеный человек получает необходимые на своём жизненном пути нравственные заповеди, следуя которым он может приблизиться к моральному идеалу, а в конечном итоге – обрести спасение. «Толковая Палея» разъясняет сущность и роль главного свойства любого индивида – «самовластия души» или свободы воли. Лейтмотив сборника – наставление человеку как правильно, во благо обратить дарованную ему свободу воли. По мнению авторов, свобода воли может увлечь «как на доброе, так и на злое дело» [24, 113].

В христианской педагогике метод убеждения находится в тесном взаимодействии с методом положительного примера. Православные мыслители не только поучали, наставляли, разъясняли каким образом человек может стать совершеннее, какие нравственные качества он должен в себе развивать, но и обращали внимание на конкретные примеры тех, кто сумел в себе развить требуемые моральные свойства, чья жизнь является образцом нравственного поведения.

В восточнославянской духовной традиции преимущественно в качестве положительного примера предлагались иноки и люди, совершившие героический подвиг мученичества, жертвенной любви. Летописец Нестор в «Житии Бориса и Глеба» именно этих князей рассматривает в качестве образца для подражания, на который должны ориентироваться люди, ставшие на путь нравственного совершенствования.

В произведениях Киево-Печерского патерика положительный пример представлен в образе инока, всю свою жизнь посвятившего борьбе с телесными страстями. Один из героев повествования – Николай Святоша (Святослав), первый князь-инок на Руси. Его никто не видел праздным: работа на огороде, изготовление одежды сопровождались постоянными молитвами; свои большие средства он употреблял на помощь бедным и на «церковное строение» [37, 64].

В качестве примера для подражания авторы Киево-Печерского патерика приводят и образ жизни инока Прохора Лебедника, который по-своему служит людям. Поликарп, агиограф Прохора, отмечает: «Бысть житие его яко единого от птиц ... неоранне земле ненасеянна пища бываше ему» [37, 65]. Во время голода святой занимается благотворительностью. Он печёт свой хлеб из лебеды для множества приходящих, и горький хлеб чудесно становится сладким [37, 65]. Миряnam, обычновенным людям, тем самым показывается, что имея

истинное человеколюбие, чистые помыслы можно творить чудеса, в данном случае – спасти людей от голода.

Как видим, иноки, являясь духовными наставниками мирян, сами старались неукоснительно следовать тому, чему учили и проповедовали. И это закономерно, т.к. метод положительного примера только в том случае будет оказывать эффективное воспитательное воздействие на личность, если сам воспитатель является образцом для подражания.

Житийная литература также демонстрировала примеры жизни тех людей, которые раньше вели жизнь греховную, безнравственную, а затем путем собственного морального совершенствования смогли победить в себе зло и приблизиться к нравственному идеалу. Например, – столпник Никита Переяславский, за спиной у которого лихоимство, страсти, затем сменившиеся суровым покаянием. Такой пример показывает обычному человеку, что начать восхождение к вершинам духовности никогда не поздно, у каждого есть возможность стать лучше, добре, совершеннее. Главное – осознать необходимость покаяния и приложить все усилия для подавления внутри себя дурных помыслов.

Агиографическая и учительная литература, наделяя своих героев рядом характерных черт, в их числе называет и просвещенность. В «Житии Авраамия Смоленского» представлен положительный герой большой нравственной силы. Наряду с совершением аскетического подвига, «пребывая в бдении и алкании день и нощь», Авраамий ревностно предаётся книжному чтению, создаёт в Смоленске библиотеку [37, 79]. В монастыре просветитель изучал произведения Иоанна Златоуста, Ефрема Сириня, жития святых, занимался перепиской книг [30, 30]. Монашеская келья Авраамия стала своего рода культурно-интеллектуальным центром Смоленска. Многие миряне приходили к иноку ради «утешения из святых книг» [37, 83]. Авраамий проявляет стойкость и силу духа в отстаивании своего права и права других на просвещение, знание. В противостоянии между просветителем и местным духовенством на защиту Авраамия становятся миряне [59, 84]. Жизнь Авраамия Смоленского – пример того, как просвещенность, искреннее следование христианским заповедям, нестяжание способствуют духовному совершенствованию личности. Это пример стойкости духа и верности своим убеждениям.

Идея служения людям, самоотверженная любовь к своей земле демонстрируется примером жизни Александра Невского. В «Житии» мы читаем: «Страшен ратоборец, быв, на мнозех бранях мужество своё показав и добрий нрав. И всякими добротами украшен, бяше же уветлив и церкви украшая...и нищия любя и на все праздники...милостыню дая» [37, 109]. В образе Александра нет

ничего аскетического, но его высокая нравственность выражается в самоотверженной любви к Родине, в нищелюбии, в заботе «о слабых, сирых и вдовещаях» [37, 111].

Пример Александра Невского демонстрирует, что высокая нравственность возможна и без аскезы, но обязательно должны присутствовать преданность своей земле, народу, человеколюбие.

Использование образа Александра Невского при применении метода положительного примера привносило достаточно большую эмоциональность в воспитательный процесс, побуждало в человеке желание «отдать душу за други своя», выступить в качестве защитника слабых и обездоленных. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае присутствует связь нравственного воспитания с патриотическим.

При использовании метода положительного примера большую роль играет личность самого наставника. Только тот воспитатель может оказать влияние на своего ученика, кто вызывает доверие, уважение, является непререкаемым авторитетом. Пример достойного учителя описал Кирилл Туровский. Это человек, выступающий не только как моралист, но и как хороший психолог, умеющий затронуть самые тонкие струны человеческой души. В «Слове о премудрости» мыслитель делает акцент на том, что в качестве учителя, духовного наставника может выступать лишь высоконравственный человек, смиривший свою гордыню [32, 79]. Мудрый книжник, являющийся носителем истинного и глубокого знания, не только просвещает людей, но и является образцом для подражания. Кирилл утверждает «да аще будеши послушлив, и умякчиши землю сердечную … нь инемъ будеши раздавая требущим того же: первое притчам разрешение книжным, потом неразумным словом разрешение и всему писанью толкованье» [24, 79].

Жизнь белорусской просветительницы Евфросинии Полоцкой – пример подвижнического служения ближнему, бескорыстной любви, а также строгой внутренней дисциплины. Пример Евфросинии Полоцкой показывал рядовому мирянину, что в реальной, земной жизни посредством милости и труда, просвещения можно приблизиться к нравственному идеалу. В «Житии» неоднократно звучит призыв к любви без лицемерия, к стремлению «мало вещати, а много разумети» [38, 78].

Образ Евфросинии Полоцкой в качестве положительного примера был призван вызвать у индивида стремление преобразить в лучшую сторону себя и окружающий мир, внести в его элементы духовности. Анализируя пример высоконравственной жизни и поведения просветительницы, человек лучше осмысливает необходимость и сущность духовного развития, он восхищается красотой морального поступка и, как следствие, у него формируется стремление хотя бы

частично воплотить в своей жизни предложенную модель поведения. Воспитательное значение житийной литературы, таким образом, заключается в том, что она давала пример практического следования христианским нормам, рисовала облик человека, достигшего полного торжества духа над грешной плотью, полной победы над земными страстями.

Идея наказания за дурные поступки прослеживается практически во всех произведениях Кирилла Туровского. Так, например, в «Притче о слепце и хромце» нарушившие закон душа и тело суроно наказываются за своё преступление. Просветитель подчёркивает, что каждый получит воздаяние по делам своим: «Чем же кто согрешит, тем же и муку примет» [32, 202]. Мысль о неотвратимости наказания способствовала повышению ответственности человека за свои поступки, помогала развивать волю, вырабатывать умение противостоять многочисленным соблазнам и преодолевать их.

Однако необходимо отметить, что в педагогических воззрениях восточнославянских просветителей прослеживается сочувственное, а порой и милостивое отношение к «падшим», к страдающим, вне зависимости от тяжести их греха. Наиболее ярко гуманистический подход к человеку и к наказанию в частности присутствует у митрополита Иллариона. Философ также говорит о неотвратимости наказания за дурные поступки, но в то же время в «Молитве» он призывает Бога: «...мало накажи, но много помилуй, мало уязви, но милостиво исцели... Но по делам нашим не сотвори нам, как и граду тому, и по грехам нашим не воздай нам, но прояви терпение к нам и даже долготерпение, угаси пламень гнева Твоего...» [27, 123]. Если другие произведения морально-этической мысли запугивали человека гневом Господним, считая силу этого гнева главной силой христианства, то Илларион не призывал кару на людей, он молил Бога не о наказании, а о сострадании: «...укроти гнев, умилосердись, ибо Твоё есть – помиловать и спасти...» [27, 124]. Если Бог проявляет милость к грешникам, то люди, которые занимаются духовным учителством, тем более должны проявлять терпимость, сочувствие, сострадание к своим ученикам, избегая жестоких наказаний.

Феодосий Печерский постоянно напоминал монашеской братии о неотвратимости наказания, считал возможным его применение в реальной жизни к тем, кто нарушает заповеди добродетельной (в понимании иноков) жизни. Однако наказание – вынужденная мера, главное состоит в том, чтобы человек сам понял и осознал собственные неблаговидные поступки и пришёл к покаянию. Нестор в «Житии Феодосия Печерского» отмечает, что главное для игумена – привести согревших к раскаянию; хотя святой и многое внушает «не расслабится, но крепку быти», он не любит прибегать к наказаниям [37, 53]. В тех

же случаях, когда Феодосий прибегал к строгому наказанию виновных, он, в первую очередь, стремился ликвидировать причину, заставившую человека отступиться и поступить не по «Благословению». Например, он уничтожает материальные блага, которые превращаются «во вражию часть» [37, 54–55].

В произведениях Киево-Печерского патриарха звучит мысль о том, что наказание заставляет человека задуматься о своём поведении, содействует выработке в нем сдерживающих мотивов, которые позволяют в следующий раз не поступить дурно. Так, например, один из героев повествования Григорий Чудотворец воров, покусившихся на его книги, усыпляет своей молитвой на пять дней, после чего они изнемогают от голода [37, 67]. Однако узнав, что князь собирается их казнить, Григорий выкупает преступников. В данном случае строго соблюдается принцип справедливости наказания, адекватного совершенному проступку. С другими ворами Григорий поступает строже. Три дня они не могут сойти с места, моля о прощении, но слышат следующий приговор: «Поднеже праздни пребываете, весь живот свой крадуще чужая труды, а сами не хотяще трудитися, ныне же стойте тут праздни и прочае лета до кончины живота своего...» [37, 67]. Однако, видя искреннее раскаяние наказанных им людей, игумен прощает их, оставляя на работу в монастыре.

Идея о неотвратимости наказания присутствует и в «Житии Авраамия Смоленского». Причём отвечать за дурные поступки должны все, невзирая на социальное положение в обществе, – и князья, и миряне, и духовенство [37, 83]. Воспитательное значение наказания состоит в том, что, испытав переживание отрицательного порядка, человек старается выработать в себе более строгое отношение к собственному поведению, внутреннюю дисциплину и по-новому вести себя.

Моисей Новгородский постоянно напоминает своим читателям о том, что «жизнь коротка, а мучение – долго и бесконечно для грешных» [32, 214]. Безнравственного человека ожидает тяжкий душевный и телесный недуг. Моисей предостерегает: «Такого недуга Бог не создал, но сам в себе создает человек тот недуг непотребным поступкам без меры и сам осуждает себя на мученье» [32, 214]. Избежать этого можно только путем искреннего раскаяния в содеянном, осознанием того, что данный путь не праведной жизни губителен как для тела, так и для души.

Люди несут коллективную ответственность за свои поступки и наказание за грех может иметь всеобщий характер. В «Поучении о присягах и клятвах» Моисей отмечает: «...От того закрылись небеса, не пуская дождя на землю, что люди... приносят жертву языческим богам и болезни лечат колдовством и заклятьем... Беда христианам так

поступающим, и мученье страшнее языческого, если того не оставят и не покаятся! Ибо век этот короток, а мука долга и бесконечна!» [32, 214–215].

Общей идеей для большинства произведений православных мыслителей является признание того, что главная похвала, главное поощрение для добродетельного человека – это его будущая небесная жизнь в Царстве Божием. Кирилл Туровский в «Притче о человеческой душе и теле» пишет: «...праведники получают вечную жизнь...» [32, 202]. Лучшая награда за добрые дела – помощь Бога. Кроме того, авторы житийной литературы подчеркивали, что наградой нравственному человеку является признание его заслуг со стороны окружающих, проявляющееся не в возвеличивании и восхвалении, а в следовании его образу жизни, в повторении его жертвенного служению людям. Такой подход прослеживается в «Житии Феодосия Печерского», «Житии Авраамия Смоленского» и других произведениях агиографического жанра.

Христианская педагогика в качестве одного из методов формирования нравственной культуры личности рассматривала создание ситуаций, в которых человек должен сделать свой моральный выбор. В такой ситуации личность может реализовать себя и как представитель определенной социальной группы, и как индивидуальность. Исходный момент в создании воспитывающей ситуации – признание человека свободным, ответственным за свои поступки.

В некоторых произведениях житийной литературы в качестве ситуации нравственного выбора рассматривалась та, в которой мирянин сталкивался с юродивым. При этой встрече человек может быть «ввергнут в соблазн и грех осуждения, а то и жестокости» [37, 258]. Он должен сделать выбор: как относится к юродивому. И если индивид преодолевает себя, сочувственно, милосердно, с благоговением относится к юродивому – значит, он уже поднялся на ступеньку выше в своем нравственном развитии.

Кроме того, сами юродивые «молили Бога о прощении людей, которым они дали повод преследовать их» [37, 258]. Как отмечал Г.Федотов, «всякий акт спасения людей вызывает благодарность, уважение ... вот почему жизнь юродивых является постоянным качанием между актами нравственного спасения и актами безнравственного глумления над ними» [37, 258]. При встрече с юродивым человек может как укрепиться в своих пороках, так и преодолеть их.

Ситуация нравственного выбора предлагается летописцем Нестором и на примере князей Бориса и Глеба: или спастись самим, или пожертвовать своей жизнью ради спасения дружины. Конечно,

такая суровая альтернатива крайне редко присутствует в жизни простого человека, но он должен проникнуться осознанием тех мотивов, которые двигали князьями; представить, как сам бы он повел себя в подобной ситуации. Мотив жертвенной любви к ближнему, который руководил князьями в момент их нравственного выбора, должен в той или иной форме присутствовать в жизни каждого человека. Нравственный выбор, происходящий в сознании индивида, позволит ему полнее реализовать свое человеколюбие и милосердие в различных жизненных ситуациях.

Большое воспитательное значение создание ситуации морального выбора отмечается и в «Повести об Акире Премудром». Автор в своем повествовании рисует две модели поведения: нравственного и безнравственного. Если человек будет следовать первому пути, то ничего дурного с ним не произойдет, а если второму – его ждет печальная участь. Акир творит суд над учеником, избравшим для себя путь греха, не внявшим рекомендациям своего учителя: «Аз щахися, научити и, а он, помышляше о смерти моей и тако деяшеть: отец стар есть, и ближе ему к смерти, а уже умом скуден есть» [27, 115].

Сама христианская картина мира и система ценностей ставит человека в состояние напряженного нравственного выбора между духовным, нравственным и телесным, греховным. Именно с позиций такого выбора индивид существует в окружающем мире и своей социальной среде. Каждый его поступок представляет собой либо подтверждение этого выбора, либо его отрицание. Поэтому очень важно, чтобы в сознании личности делаемый ею выбор в пользу добра находил отклик в виде стремления постоянно, в каждом поступке подтверждать свою приверженность христианской системе ценностей. Повседневная жизнь любого человека состоит из множества ситуаций, требующих разрешения нравственного выбора, например: милостиныя, прощение, ограничение собственного тщеславия, гордыни и т.д. Поэтому данный метод воспитания действует постоянно. Задача воспитателя – помочь осознать и прочувствовать собственно воспитывающую ситуацию и определиться с выбором в пользу духовности. В последующем такой выбор должен подтверждаться всем образом жизни воспитуемого, его каждодневными делами и отношением к окружающим.

Кирилл Туровский полагает, что покаяние делает возможным духовно-нравственное совершенствование человека. Мыслитель отмечает: «Древо жизни – это смиренномудрие, начало которому покаяние [32, 199]. Для того, чтобы стать лучше, совершеннее человек в первую очередь должен «покаяться в злобе, зависти, во лжи» [32, 199].

Покаяние доступно всем, оно соединяет в себе разум и эмоции человека. Индивид сознает греховность собственного поведения,

анализирует причины, толкнувшие его на дурное, искренне переживает и раскаивается в содеянном. Покаяние можно трактовать как многолетний опыт очищения личности. Оно не только не унижает достоинства человека, но и восстанавливает, улучшает нравственную природу личности, делает её духовной. Духовность, в свою очередь, придаёт смысл жизни человека, его нравственным исканиям. С общекультурной точки зрения духовность представляет собой идеальный комплекс морально-этических норм, которые противостоят личности и обществу не как данность, а как заданность и требование [38,78]. Покаяние открывает человеку доступ к любви, совести, чувству долга и т.д. Можно утверждать, что данное средство воспитания представляет своеобразный «труд души». Его необходимость в процессе нравственного развития личности была взята на вооружение и светской педагогикой. Любое воспитательное требование, наставление останется мёртвой буквой, если индивид не «примерит его на себя» при оценке собственных поступков. В современной педагогической науке «труд души» является средством, при помощи которого осуществляется бинарный метод воспитания, «дилемма – рефлексия», предполагающий размышление индивида о происходящем в мире и внутри себя, познание себя, оценку собственного поведения. Успешность нравственного воспитания личности невозможна без её обращения внутрь себя.

Самопознание человека, конечным итогом которого является покаяние, рассматривается в качестве самостоятельного средства духовно-нравственного совершенствования индивида. Такой подход является продолжением традиции, заложенной Иоанном Златоустом, призывавшим: «Будем исследовать силу души и не перестанем испытывать самих себя; будем требовать у себя отчёта в том, что в нас входит, и в том, что выходит, – что мы сказали полезного и какое слово полезного и какое слово праздное, а также, что полезного ввели в душу через слух, и что внесли в неё могущее повредить Отцу вашему» [25,68]. Философ также определяет самопознание как развитие сердца, ума, воли [25, 68].

Самопознание связано с анализом человеком своего нравственного состояния и одновременным стремлением к совершенствованию. Поэтому, с точки зрения Иоанна Златоуста, одним из путей самопознания является совесть. «Совесть – это голос Божий в человеке, внутренний закон, благодаря которому возникает у нас познание доброго и недоброго» [25, 169]. Кроме того, наставник, прежде чем приступить к воспитанию своих подчиненных, должен пройти через самопознание и самосовершенствование: «Учитель должен сначала научить самого себя» [25, 718].

Учительная литература указывает на необходимость изучения человеком своего «нрава» и «помыслов». Самопознание необходимо для оценки поведения с тем, чтобы внести в него необходимые изменения. «Пчела приводит совет из «Притч Соломона»: «Внимай себе, да избавишися яко серна от тенета и яко птица от пругла» [32, 7]. От имени Сираха внушалось: «Чадо, в животе своём искуси душу свою и вижь, что лукаво в ней есть, и не дай ей воли, не вся бо всем пользуются» [32, 7]. Большое воспитательное значение самопознания подчёркивалось Василием Великим: «Иже смотрит сам сябе со испытаньем, то уподобен наставник есть душе своей» [32, 7].

Призывая человека к познанию собственных помыслов, «Пчела» апеллирует к авторитету античных философов, в частности, приводится совет Сократа: «Разумей сам себе» [32, 7]. Цель самопознания объясняется словами Платона: «Начало разума – разумные невежества своего. Мы же ничтоже, мнимся всеведуще» [32, 7]. Всматриваясь в глубины своей души, анализируя собственный «нрав» и «помыслы», человек должен исходить из того, что всегда отвечает за свои поступки. Оправдание слабостью и грешностью «естества» недопустимо: «Да не хулим естества нашего: житьё бо се добро и зло обычаемъ бываетъ … обычай предложився крепльщи есть естества» [32, 8]. Если человек будет «внимать себе», то он сможет верно, адекватно оценивать свои дела. Афористические сборники подчёркивали, что в первую очередь следует осуждать себя, а не других. «Пчела» предостерегает: «Что зриши сучься в оце брата своего, а в своём беръвна не видиши» [32, 9].

Таким образом, самопознание помогает индивиду правильно воспринимать своё поведение, находить причину аморальных поступков и побеждать дурные желания. В данном случае морально-этические нормы проходят через внутреннюю сущность человека, становясь её достоянием, трансформируясь в личностную систему ценностей.

Одним из средств нравственного воспитания личности восточнославянские мыслители считали развитие в человеке чувства страха Божьего. Лука Жидята в «Поучении к братии» говорит о том, что страх Божий должен присутствовать в человеке постоянно [32, 152]. Страх Божий – это опасение обидеть ближнего, позавидовать, осудить, допустить в душу всякую скверну. Как справедливо отмечает Б.В. Ничипоров, «страх Божий – это основа, начало духовного движения» [23, 154].

Наличие внутреннего субъективного ограничения, регуляции поведения индивида – залог успешности любого воспитательного воздействия и в светской педагогике. Сдерживающие механизмы, не позволяющие преступать черту дозволенного с точки зрения

общепринятой морали, можно рассматривать и как необходимое условие нравственного совершенствования личности. Они могут воплощаться и в виде сословного кодекса чести, социальной этики, и в виде системы ценностей вообще.

Воспитательное значение милостыни традиционно подчеркивается в христианской этике. Апостол Павел говорил: «При сем скажу: кто сеет скучно, тот скучно и пожнёт; а кто сеет щедро, тот щедро пожнет. Каждый уделяет по расположению сердца, не с огорчением и принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог» [39, 307]. Иоанн Златоуст утверждал, что человек, не дающий милостыни и не заботящийся о бедных, не может быть спасён [25, 306].

В афористических сборниках отмечалось, что всегда предпочтительнее давать, чем брать. «Пчела» советует: «Добро творит лучше взяться и милостыни честьнейшими приобретенья» [32, 16]. Очень важна скромность, с которой человек творит милостыню: «Менандр» в связи с этим замечает: «Благодать приим – помни, а створь – забуди» [32, 17].

Таким образом, любовь к ближнему видится прежде всего в сострадании страждущему, в оказании личной милостыни. Милостыня, благотворительность больше необходима жертвователю, чем нищему.

Кроме того, в ряде произведений морально-этической мысли подчёркивается, что воспитательная сила милостыни проявляется не только в том, чтобы утереть слёзы страждущему, уделяя ему часть своего имущества, сколько в том, чтобы, смотря на его слезы и страдания, самому пострадать с ним, пережить истинное человеколюбие. Наши предки часто говорили, что «в Рай входят святой милостыней» и «Нищий богатым питается, а богатым молитвой нищего спасается» [40, 197].

Во время оказания милостыни происходит процесс нравственно-духовного взаимодействия – благотворитель, воочию столкнувшись с людской нуждой, облегчает её, становясь лучше, добнее; а нуждающийся видит того, кто ему помог, и он молится за его спасение, принимая тем самым участие в жизни того человека, который протянул руку помощи. С точки зрения А.С. Майховича, особое внимание к обездоленным – это внимание ко всем людям, к каждому; это вера и надежда на их развитие и совершенствование, залог их возвышения [38, 45].

Формированию такого личностного качества как человеколюбие посредством оказания реальной помощи тому, кто в ней нуждается, придается большое значение и в современной теории и практике нравственного воспитания. По мнению К.В. Гавриловец, человеколюбие – необходимое условие гармонии личного и общественного [30, 53].

В пещерской идеологии труд, трудничество представлялся как часть аскетического подвига. Согласно Нестору, после смерти отца Феодосий избрал особый подвиг: «выходил с рабами на село и работал со всяким смирением» [37, 47]. Агиограф подчёркивает, что мать Феодосия в крестьянских работах видела социальную деградацию, поношение рядовой чести. Но Феодосий хочет быть «яко един от убогих» и убеждает мать: «... Господь Бог Иисус Христос сам поубожился и смирился, нам образ дая, да и мы того ради мишимся» [37, 47]. «Житие» сообщает, что Феодосий «мелит жито для всей братии... став игуменом, всегда готов взяться за топор, чтобы нарубить дров...» [37, 50]. Автор «Жития» таким образом, стремился показать, что посредством постоянного физического труда можно добиться подавления в себе плотского начала, укрепления самодисциплины и прилежания.

В среде духовенства трудничество – часть аскезы, предотвращающая впадение человека в грех. Монахам предписывалось распределять своё время между молитвами трудом таким образом, чтобы «дух соблазна неожиданно не захватил в свою власть бездеятельный ум» [41, 239]. В понимании Владимира Мономаха труд – это прежде всего воинский подвиг, а затем, занятие охотой, когда в непрестанной борьбе с опасностью закаляются тело и душа человека. «Пчела» утверждала, что «труд ражает мужество» [32, 40]. Внутренняя стойкость, самодисциплина, которая развивается посредством труда, является основой нравственного развития индивида и делает возможным применение различных методов и средств в воспитательном процессе.

Таким образом, духовная традиция восточных славян содержит в себе широкий спектр методов, средств и приемов, которые позволяют эффективно решать задачи по формированию духовной культуры личности.

Литература:

1. Мазур, Л.Н. Методы исторического исследования / Л.Н. Мазур // Учебное пособие. – Екатеринбург, 2010. – 215 с.
2. Юмашева, Ю.Ю. Историко-биографические исследования и архивы / Ю.Ю.Юмашева // Обсерватория культуры. – 2015 - №3. – С.102-107.
3. Мазур, Л.Н. Современная российская социология / Л.Н. Мазур // Социологический журнал. – 2025. – Том 31. - №1. – С.186-194.
4. Юмашева, Ю.Ю. Историко-биографические исследования и архивы / Ю.Ю.Юмашева // Обсерватория культуры. – 2015 - №3. – С.102-107.
5. Иконникова, С.Н. Биография как социокультурное измерение истории / С.Н. Иконникова // Культурологический журнал. – 2011. - №4.

6. Репина, Л.П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания / Л.П. Репина // Размышления о казусах. – М., 1998. – 218 с.
7. Беспалова, Ю.М. Биографические исследования в социологии культуры / Ю.М. Беспалова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2021. - №3. – С.18-27.
8. Бровчук, Н.М. Историческая память и идея её реконструкции / Н.М. Бровчук // Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества. – Сб. материалов международной научно-практ. конф. – Минск, 2021.
9. Сильницкий, Г.К. Россия в поисках смысла / Г.К.Сильницкий // Ч.1. – Смоленск, 2021. – С.244-272.
- 10.Корытникова, Н.В. Нелинейный биографический анализ Б.З. Докторова / Н.В.Корытникова // Социологический журнал. – Том 31. - №1. – С.124-139.
- 11.Володихин, Д.М. Христианский персонализм и метод персональной истории в исторической науке / Д.М. Володихин // Историческое обозрение. – 2021. - №2.
- 12.Кашина, Е.С. Проектная деятельность как средство повышения социальной активности молодежи / Е.С. Кашина, К.Н. Беликов // Социальная активность молодежи как условие развития современного общества: сб. науч. Трудов по итогам Всероссийских социально-педагогических чтений им. Б.И. Лившица, 2-3 февраля 2010 г. / Урал. Гос. Пед. Ун-т, Екатеринбург. – в 2-х ч.: Ч.1. – 289 с.
- 13.Осипов, А.И. Идеологические и мировоззренческие основания патриотического воспитания / А.И. Осипов // Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества Сб. материалов международной научно-практ. конф. – Минск, 2021.
- 14.Бровчук, Н.М. Историческая память и идея её реконструкции / Н.М. Бровчук // Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества. – Сб. материалов международной научно-практ. конф. – Минск, 2021.
- 15.Попп, И.А. Всероссийский патриотический проект «Живая история» / И.А. Попп // Электронный ресурс.
- 16.Майхович, А.С. Становление нравственного сознания / А.С. Майхович // Минск: Белорусская наука, 2003 – 423 с.24.
- 17.Забияко А.В. Культура Древней Руси – М., 2003.
- 18.История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в. / Под ред. А.И. Пискунова. - 2-е изд., испр. Дополн. – М.: ТЦ Сфера, 2012. – 512 с. – с.342.
- 19.Оргиш, Н.А. Древняя Русь / Н.А. Оргиш // Мн.: Университетское, 1989. – 349 с.

20. Новиков, М.П. История русской философии / М.П. Новиков // С.-Пб.: Издательство «Лань», 2005. – 780 с.
21. Фромм, Э. Человек для себя / Ф. Эрих // Москва: Прогресс, 1990 - 345 с.
22. Лайн, Тони. Христианские мыслители / М.: Владос. – 2008. – 347 с. – с.212.
23. Ничипоров, Б.В. Введение в христианскую педагогику / Б.В. Ничипоров // М.: Владос, 2003.
24. Ерёмин И.Л. Литература Древней Руси – М., 2001.
25. Иоанн Златоуст. О воспитании / Иоанн Златоуст // М.: Паломник. – 903 с.
26. Лайн, Тони. Христианские мыслители / М.: Владос. – 2008. – 347 с. – с.212.
27. Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси. – М., 2000.
28. Бондаревская, Н.В. Формирование нравственной культуры личности / Т.В. Бондаревская // Педагогика. – 2017. - №5
29. Сохраняева, Т.В. К вопросу о развитии педагогических цивилизаций // Т.В. Сохраняева // Социально-гуманитарное знание. – 2014. - №2.
30. Гавриловец, К.В. Духовность личности и ее развитие в образовательном процессе / К.В. Гавриловец, О.В. Янчукович // Проблемы выхавання. –2006. – № 6. – С. 3–8.
31. Печерский, Феодосий. Слово о терпении и о любви / Федосий Печерский // Златоструй. Древняя Русь X-XIII вв. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С.154-156.
32. Златоструй. Древняя Русь X-XIII вв. – М.: Молодая гвардия, 1990. –550 с.
33. Иоанн Златоуст. О воспитании / Иоанн Златоуст // М.: Паломник. – 903 с.
34. Зеньковский, В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В.В. Зеньковский. – М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1903. – 224 с.
35. Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский // Киев: Христианско-благотворительная ассоциация “Путь к истине”, 1991. – 599 с.
36. Кожинов, В. История Руси и русского слова / В. Кожинов // Наш современник. – 1992. - №12. – с 167 – 181.
37. Федотов, Г.П. Святые Древней Руси / Г.П. Федотов // Ростов-на Дону: Феникс. – 384 с.
38. Майхович, А.С. Становление нравственного сознания / А.С. Майхович // Минск: Белорусская наука, 2003 – 423 с.
39. Ильин, И.А. Собрание сочинений: в 10 т. / И.А. Ильин. – М.: «Русская книга», 1993. – Т. 1. – 398 с.
40. Ерёмин И.Л. Литература Древней Руси – М., 2001.
41. Карташев А.В. Очерки истории русской церкви: в 2 томах. – М., 1992.

